

Бородина Викторина Николаевна

канд. психол. наук, доцент, заведующая кафедрой

ЧОУ ВО «Балтийский гуманитарный институт»

г. Санкт-Петербург

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РИСКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ В СЕМЬЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ НАД ДЕТЬМИ

Аннотация: сегодня чрезвычайную актуальность в обществе приобретает проблема психологического насилия в семье в отношении детей. Показана сложность изучения данной проблемы из-за трудностей в распознании и идентификации, поскольку психологическое насилие выражается в определенном воздействии на психику ребенка, не привлекая внимания окружающих. Основное содержание исследования составляет анализ факторов риска возникновения в семье психологического насилия над детьми.

Ключевые слова: семья, дети, психологическое насилие, факторы риска.

На сегодняшний день ни у кого не вызывает сомнений, что проблема психологического насилия над детьми в семье является одной из самых острых и актуальных. В докладе Всемирной организации здравоохранения отмечается, что с психологическим (эмоциональным) насилием сталкивается каждый третий ребенок [1]. Необходимо отметить, что далеко не все случаи насилия попадают в официальную статистику. Изучение данной проблемы осложняется в силу трудностей в распознании и идентификации, поскольку психологическое насилие выражается в определенном воздействии на психику ребенка, не привлекая внимания окружающих. Порой и сами жертвы не осознают, что подвергаются негативному психологическому воздействию со стороны других лиц [2]. Тем не менее данную форму жестокого обращения можно распознать по особенностям поведения и психического состояния ребенка (поиск привязанности со стороны взрослых, снижение успеваемости в школе, повышенная агрессия и аутоагрессия, тревога, депрессия, неспособность выражать эмоции и передавать чувства,

социальная изоляция из-за недоверия, подозрительность и отсутствие близости с другими людьми, низкая самооценка и т. д.). Могут проявляться и физиологические реакции, свидетельствующие о психологическом (эмоциональном) насилии: энурез, нарушения пищевого поведения, соматические жалобы. В настоящее время исследователями отмечается, что последствия психологического (эмоционального) насилия над ребенком оказывают негативное влияние на всю его дальнейшую жизнь [7; 8 и др.]. Широкая распространенность данной формы насилия в отношении детей в семье, сложность выявления пострадавших детей диктуют необходимость более тщательного исследования его причин с целью принятия более эффективных превентивных мер.

Психологическое (эмоциональное) насилие над ребенком представляет собой постоянное (неоднократное) психологическое воздействие родителей или лиц, их замещающих, на ребенка, вызывающее стойкие неблагоприятные последствия для психического развития ребенка или приводящее к формированию у ребенка патологических черт характера.

Следует отметить, что психологическое насилие, как правило, осуществляется систематически (эпизодически) в течение длительного периода времени, но может представлять собой и единичные события, приводящие к получению тяжелой психической травмы, к возникновению острой реакции на стресс или развитию посттравматического стрессового расстройства.

Исследования показывают, что основной мотивацией психологического насилия является желание людей осуществлять контроль над другими и разрушать их чувство собственного достоинства (P. Evans, M.P. Johnson, K.P. Ferrero, A.H. Schwartz и др.).

Проблема выявления психологического (эмоционального) насилия усугубляется тем фактом, что данный феномен может проявляться в таких разнообразных формах как отвержение (отказ взрослого в выполнении просьбы и удовлетворении потребности ребенка в форме сильной неприязни); изоляция (от ограничения социальных контактов ребенка до физической изоляции от внешнего мира); терроризирование (унижение, оскорбительные замечания, высмеивание

ребенка); игнорирование (отсутствие обратной связи со значимым взрослым); развращение (вовлечение и поощрение антисоциального (асоциального) поведения) [3]. Особенно негативное влияние на эмоциональное состояние ребенка оказывает дистанцирование, отсутствие эмоциональной поддержки со стороны значимого взрослого, что может привести к эмоциональной депривации, оказывающей более разрушительное воздействие на личность ребенка, чем открытое проявление агрессии, приводя к переживанию жертвой одиночества, отчаяния, бессилия.

Необходимо отметить, что психологическое насилие может быть преднамеренным и непреднамеренным (пренебрежительным). По мнению J. Garbarino пренебрежительная тактика включает в себя отказ от нормального человеческого взаимодействия или отказ признать чувства жертвы [6]. Данную тактику трудно обнаружить, потому что человек, использующий ее, может не расценивать свое поведение как недостойное (некорректное) (С. Champagne, S. Hamarman, W. Bernet). Преднамеренная тактика является более агрессивной формой психологического насилия (Р. Evans). Тем не менее, обе формы предполагают умышленное причинение психического или эмоционального вреда. Родители, применяющие насилие, могут адаптировать свою тактику в зависимости от пола, возраста, состояния здоровья и способностей ребенка-жертвы.

На основании исследований [3–5; 9 и др.] можно выделить несколько групп факторов риска возникновения психологического насилия над ребенком в семье.

Первую группу составляют социально-экономические факторы риска психологического насилия в семье, которые включают низкий доход семьи, проблемы, связанные с отсутствием работы (временная работа), низкий социальный статус, принадлежность к групповому меньшинству (например, религиозной секте), плохие жилищные условия и т. д. – все перечисленные трудности могут вызвать хронические стрессовые ситуации в семье, способствовать росту психологической напряженности, связанной с неудовлетворением основных потребностей членов семьи. В данном случае для ребенка появляется высокий риск стать «козлом отпущения» в семье. Назначение ребенка на выполнение данной

роли «облегчает» жизнь другим членам семьи, позволяет им ничего не менять в своей жизни, не анализировать причины сложившихся трудностей, у них всегда есть готовое объяснение возникающих проблем, тем самым они пытаются неадекватными способами стабилизировать семейную систему.

Ко второй группе факторов риска можно отнести факторы, обусловленные структурой и особенностями коммуникации в семье: неполная семья (финансовые проблемы; чрезмерная трудовая нагрузка одинокого родителя, как правило, матери; ролевая перегрузка и т. д.); многодетные семьи (в таких семьях обычно материальный уровень жизни низкий, возможен асоциальный образ жизни, неравноценное распределение внимания каждому ребенку); конфликтные отношения между членами семьи (особенно в ситуации развода между супругами, сложные отношения между ребенком и отчимом/мачехой/сожителем); неравномерное распределение власти между супругами (семейная система чрезмерно иерархизирована); низкий уровень сплоченности семьи (отсутствие близких взаимоотношений, эмоциональной привязанности, психологической поддержки); проблемы между супругами (сексуальная неудовлетворенность, низкий уровень эмоциональной поддержки, рассогласование у супругов представлений о семейных ценностях и ролевых установках в других важнейших сферах жизнедеятельности семьи).

Третью группу факторов риска составляют факторы, связанные с особенностями родителей:

– пережитое родителями в детстве психологическое насилие. Учеными выявлено, что родители, подвергавшиеся психологическому насилию, испытывают трудности с сопереживанием своим детям и имеют чрезвычайно высокие ожидания от поведения своих детей [9]. Очень часто родители повторяют модель поведения своих родителей: суровые требования, беспрекословное подчинение, пренебрежение, отсутствие любви к ребенку;

– депрессия. Хотя считается, что депрессия не является причиной психологического насилия, исследователи утверждают, что она может привести некоторых родителей к злоупотреблению алкоголем или наркотиками [там же];

– злоупотребление алкоголем или наркотиками, в свою очередь, способствует реализации дисгармоничного типа семейного воспитания (гипопротекции, эмоционального отвержения, жестокого обращения, повышенной моральной ответственности, не соответствующей возрасту ребенка, за благополучие младших сестер и братьев). S. Sullivan отмечает, что матери, злоупотребляющие психоактивными веществами, относятся к детям более пренебрежительно, чем матери, не страдающие зависимостью [там же];

– наличие психических заболеваний (шизофрения, эпилепсия и т. д.);

– неразвитость родительских навыков, слабый материнский инстинкт (молодые родители, родители, имеющие психические заболевания или страдающие нервно-психическими расстройствами);

– личностные и характерологические особенности родителя (агрессивность, вспыльчивость, раздражительность, стремление к доминированию, неадекватная самооценка, подозрительность, низкий уровень эмпатии, высокий уровень ожиданий по отношению к ребенку и т. д.).

Четвертая группа факторов риска связана с особенностями ребенка: дети-инвалиды, дети с ограниченными возможностями здоровья (часто вызывают у родителей реакцию отвержения, раздражения и даже агрессии), «нелюбимый» или «нежеланный» ребенок, дети-погодки, недоношенные дети, дети, отличающиеся гиперактивностью, импульсивностью, беспокойные дети младенческого и раннего возраста, дети с низкими социальными навыками.

Следует выделить еще одну группу факторов риска, связанную с обществом, с социальной средой и оказывающую дополнительное влияние на возникновение психологического насилия над детьми в семье: языковые, культурные, религиозные барьеры могут создавать трудности для желающих раскрыть факты насилия в семье. На уровне общественного мнения практика использования различных форм насилия, в том числе и психологического, может считаться «нормой» и использоваться в качестве воспитательного воздействия на ребенка.

Психологическое насилие представляет собой систематически повторяющуюся неблагоприятную ситуацию, в которой члены семьи ежедневно в течение

продолжительного времени взаимодействуют между собой. Е.И. Цымбал отмечает, что неверно представлять ребенка, пострадавшего от насилия, только как объект неблагоприятного воздействия со стороны значимых взрослых [5]. Ребенок вынужден к этим условиям приспособливаться, изменяя свое поведение. Используемые ребенком механизмы психологической защиты приводят к дезадаптации, способствуя еще большей уязвимости ребенка для насилия, повышая риск стать жертвой другой формы жестокого обращения. Таким образом, дезадаптивное поведение ребенка может быть не только результатом искаженных родительских моделей поведения, но также может вызывать дальнейшие неконструктивные действия со стороны членов семьи.

Наличие того или иного фактора риска еще не означает проявления психологического насилия. Скорее не один фактор, а их взаимовлияние определяют вероятность или возможность возникновения данного негативного явления. Необходимы дальнейшие исследования, чтобы определить достоверные взаимосвязи между различными факторами риска и психологическим насилием. Однако совершенно ясно, что данная проблема требует совместных целенаправленных действий не только со стороны специалистов различных профессий, но и всего общества, поскольку ее сложно распознать, так как отсутствуют четкие границы допустимых дисциплинарных мер и применяемых форм психологического насилия.

Список литературы

1. Доклад о положении дел в мире в области профилактики насилия в отношении детей 2020 г. (Global status report on preventing violence against children 2020: executive summary). – Женева: Всемирная организация здравоохранения; 2020. Лицензия: CC BY-NC-SA 3.0 IGO [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1632846302&tld=ru&lang>
2. Илгамова Э.З. Феномен насилия в отношении детей / Э.З. Илгамова // Вестник Казанского технологического университета. – 2011. – №1. – С. 280–292.
3. Малкина-Пых И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы / И.Г. Малкина-Пых. – СПб.: Питер, 2018. – 832 с.

4. Проблемы насилия над детьми и пути их преодоления / под ред. Е.Н. Волковой. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
5. Цымбал Е.И. Жестокое обращение с детьми: причины, проявления, последствия / Е.И. Цымбал. – М.: РБФ НАН, 2010. – 286 с.
6. Garbarino J. Future directions // *Children at Risk: An Evaluation of Factors Contributing to Child Abuse and Neglect*. Edited by R.T. Ammerman and M. Hersen. – New York: Plenum Press, 1990. – 314 p. – Access mode: <https://archive.org/details/childrenatriskev0000unse>
7. Hibbard R., Barlow J., MacMillan H. et al. Psychological Maltreatment [Electronic resource] // *Pediatrics*. – 2012. – №130. – P. 372–378. – Access mode: <https://doi.org/10.1542/peds.2012–1552>
8. Longman-Mills S., De La Haye W., Hamilton H.A., Brands B., da Gloria Wright M. and Cumsille F. Psychological Maltreatment and Its Relationship with Substance Abuse among University Students in Kingston, Jamaica [Electronic resource] // *Texto & Contexto-Enfermagem*. – 2015. – №24. – P. 63–68. – Access mode: <https://doi.org/10.1590/0104–07072015001070014>
9. Sullivan S. *Child Neglect: Current Definitions and Models: A Review of Child Neglect Research, 1993–1998*. – Ottawa: Health Canada, 2000. – 80 p.